

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73>

Научная статья / Research article

Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в.

З.А. Махмутов

Институт педагогики, психологии и социальных проблем,
420039, Россия, Казань, ул. Исаева, 12,
zufar@inbox.ru

Аннотация: Изучаются функции, которые выполнял институт татарских мулл на территории Казахстана в разные исторические периоды. Автор рассматривает деятельность духовных лиц в регионе, анализирует внутреннюю политику российского, а позже и советского государства, которое законодательными актами регламентировало их деятельность, создавая определенные политические контексты. Источниками для написания работы послужили материалы личного происхождения и делопроизводства, законодательно-нормативные документы, хранящиеся в архивах Казахстана и России. В статье показано, что первоначальный период колонизации Казахстана институт татарских мулл был встроено в систему управления Российской империи новоприсоединенными территориями. В данных условиях татарское духовенство обладало достаточно широкими полномочиями внутри казахской степи, помимо исполнения религиозных треб они вели гражданское судопроизводство, документооборот, обучали казахов грамоте и земледелию, участвовали в принятии государственных решений, им поручали дипломатические миссии. Их работа придавала легитимность действиям империи в глазах казахского населения и содействовала лояльности по отношению к новой власти. В середине XIX в. отношение царских чиновников к муллам кардинально изменилось, и их деятельность была существенно ограничена Временным положением 1868 г. Но, несмотря на предпринимаемые запреты, политическое, религиозное влияние улемов на казахов оставалось достаточно сильным. С приходом к власти большевиков значительная часть татарского духовенства была подвергнута репрессиям и полностью выведена из правового поля, однако на нелегальной основе они продолжали выполнять религиозные функции, а после некоторого религиозного послабления в период Великой Отечественной войны внесли весомый вклад в формирование казахстанского казаята. На основе проанализированного материала автор приходит к выводу, что татарских мулл можно рассматривать как элиту мобилизованной диаспоры. Заметное влияние татарских улемов прослеживалось до середины XX века и выходило за рамки религиозной сферы.

Ключевые слова: татарская диаспора, ислам, мобильная диаспора, конфессиональная политика

Для цитирования: Махмутов З.А. Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73>

The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century

Zufar A. Makhmutov

Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 12 Isaeva St., Kazan, 420039 Russia,
zufar@inbox.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the functions by the Institute of Tatar mullahs in Kazakhstan at different historical periods. The author examines the activities of clergymen in the region, analyzes the internal policy of the Russian and later Soviet state, which regulated their activities by legislative

© Махмутов З.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

acts, creating certain political contexts. Research interest is also caused by the internal policy of the state, which regulated Tatar mullah's activities by legislative acts and it created certain political contexts. The sources for writing the work were materials of personal origin and office work, legislative and regulatory documents stored in the archives of Kazakhstan and Russia. In the initial period of the Kazakhstan's colonization the institute of Tatar mullahs was integrated into the management system of the newly-joined territory. In these conditions, the Tatar clergy had rather large powers in the Kazakh steppe. They conducted civil proceedings, document management, taught the Kazakhs literacy and agriculture, participated in government decisions, and carried out diplomatic missions. Their work gave legitimacy to the actions of the empire for the Kazakhs and promoted loyalty to the new government. In the middle of the 19th century, the attitude of the tsarist officials towards the mullahs changed dramatically. Activity of Tatar clergy was significantly limited by the Temporary Provision of 1868. Despite the prohibitions being undertaken, the political and religious influence of the ulama on the Kazakhs remained quite strong. In Soviet times, a significant part of the Tatar clergy was destroyed and completely removed from the legal field. However, although they were in an illegal situation, they continued to perform religious functions. After some religious relaxation during the Great Patriotic War, they made a significant contribution to the formation of Kazakhstani Kaziyat. The author considers that Tatar mullahs were the elite of the mobilized diaspora on the basis of the analyzed material. Tatar ulemahs conspicuous influence was until the middle of the 19th century and occurred outside the religious sphere as well.

Keywords: Tatar diaspora, Islam, mobile diaspora, confessional policy

For citation: Makhmutov, Zufar A. "The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 61–73 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73>

Введение

Без осмысления деятельности мулл в Казахстане сложно представить и понять не только историю формирования местной татарской диаспоры, но и сложные межконфессиональные, межэтнические и межкультурные процессы, происходившие в данном полиэтничном регионе.

Работа татарских мулл в регионе из-за своей высокой значимости с самого начала находилась в фокусе внутренней политики Российской империи под пристальным вниманием государственных чиновников. Поэтому правовые рамки деятельности мулл в степной зоне интересны историкам тем, что характеризуют национальный курс и отношение к исламу в государстве в разные исторические периоды. С этой позиции данную тему изучали А.В. Ремнев¹, Ю.А. Лысенко², В.С. Дякина³, А. Каппелер⁴, Т.А. Каримов⁵, М. Кемпер⁶ и другие. По мнению А.В. Ремнева, «казахский case дает хороший материал и для анализа конкретной исторической ситуации, и для сравнительных исследований в области национальной политики империи в целом, а также для выявления ее региональной специфики»⁷.

Роль Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных об-

¹ Ремнев А.В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

² Лысенко Ю.А. Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2017. № 3. С. 128–138.

³ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.

⁴ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–136.

⁵ Каримов Т.А. Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начале XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 144–162.

⁶ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.

⁷ Ремнев А.В. Татары в казахской Степи... С. 31.

ластей исследовалась П.С. Шаблеем⁸. Он акцентирует внимание на том, что данный орган на определенном этапе времени был важным элементом в реализации российской региональной политики⁹.

Формирование конфессиональных и этнокультурных связей в дореволюционное время как результат активности татарских знатоков Корана рассматривали в своих работах Г.С. Султангалиева¹⁰ и Э.М. Гибадуллина¹¹. Историк Э.М. Гибадуллина подчеркивает, что их формированию способствовали такие внутренние ресурсы, как общность этнолингвистической системы с коренным населением Степи, материальная и духовная культура¹².

Несмотря на большое внимание исследователей к активности татарских улемов в дореволюционную эпоху, практически неизученной остается их работа в советское и в настоящее время.

Новизна данного исследования заключается в том, что в ней впервые комплексно анализируются функции татарских мулл в разные исторические периоды и в разнообразных политических контекстах.

Целью настоящей работы является выявление результатов деятельности татарского духовенства в различных сферах общественной жизни на протяжении дореволюционного и части советского времени их пребывания на территории современного Казахстана.

Для анализа деятельности института татарских мулл в дореволюционное и советское время были привлечены материалы личного происхождения (дневники, письма, журналы, личные наблюдения), делопроизводств, нормативно-правовые акты. Среди архивных документов особую ценность представляют фонд канцелярии Оренбургского генерал-губернатора в Государственном архиве Оренбургской области (Ф. 6), Пограничного управления Сибирскими казахами в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Ф. 374), личный фонд государственного секретаря, Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1251), фонд Совета по делам религий при Совете Министров СССР Государственного архива Российской Федерации (Ф. 6991).

При исследовании поставленной проблемы использовался комплекс общенаучных методов: анализ, синтез, дедукция, индукция, а также структурно-функциональный подход. Также была применена теоретическая модель мобильной диаспоры Джона Амстронга. Под мобильной диаспорой ученый понимал этническую общность, расселенную дисперсно и характеризующуюся особой деятельностью ее элиты, которую не может выполнить доминирующее население. В контексте взаимодействия с многонациональным государством ученый подчеркивал, что в условиях присоединения новых территорий властные структуры нуждаются в мобильных диаспорах, но потом может с легкостью сделать их «козлом отпущения»¹³.

⁸ Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.). Челябинск, 2013.

⁹ Там же. С. 231.

¹⁰ Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 20–36.

¹¹ Гибадуллина Э.М. Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв)». Казань, 2011. С. 117–123.

¹² Гибадуллина Э.М. Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв)». Казань, 2011. С. 122.

¹³ Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 399–400.

Культурные посредники

С восхождением на престол Екатерины II конфессиональная политика Российской империи начинает меняться. Была закрыта Контора новокрещенских дел, принят указ Синода о веротерпимости, князь и мурзы татарского происхождения получили возможность пользоваться всеми преимуществами российского дворянства. Появление элементов прагматизма в политике российской власти по отношению к представителям ислама, вероятно, было связано и с решением вопроса о внутренней колонизации степной зоны, агентами которой должны были стать татарские муллы. Родственные языки, общая религия способствовали благосклонному восприятию казахским населением представителей данной группы, что в свою очередь должно было привести к росту лояльности по отношению к Российской империи и ее новым государственным институтам.

Еще в 1745 г. татарам было дозволено поселиться в Сеитовской слободе (ныне Татарская Каргала) вблизи Оренбурга, которая на долгие годы стала важнейшим отправным пунктом мулл в казахскую степь. Жители нового населенного пункта получили исключительное право от Императрицы Екатерины Второй исповедовать мусульманскую религию и возводить мечети¹⁴.

В 1785 г. Императрица Екатерина II приказала губернатору Уфы и Сибири барону О.А. Игельstromу строить мусульманские мечети в казахской степи, способные вместить до 500 чел., при которых должны были функционировать школы, в наиболее же отдаленные районы отправлять татарских мулл «дав при посылке небольшую денежную сумму, а мере верности и тщания обнадёжить и большим денежным вознаграждением»¹⁵.

В этом же году О.А. Игельstrom получил указ из Сената, в котором, в частности, говорилось: «Снабжение разных родов киргизских муллами немалую пользу в делах наших принести может; почему вы и старайтесь определить оных, и истребовать из Казани татарских людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизцев в верности к нам, и к удалению их от набегов и хищничества в пределах границ наших»¹⁶. В список «благонадежных» религиозных деятелей, составленных первым муфтием М. Хусаиновым (Хусейновым, Гусейновым), вошли ахун Новой татарской слободы Казани Ш. Абдрашитов, ахун М. Юсупов, мулла А. Мухитдинов и другие¹⁷.

Для координации работы татарских мулл в степи в 1788 г. было создано ОМДС, которое возглавил М. Хусайнов. Функция нового органа заключалась в испытании соискателей на получение духовного звания (выдаче свидетельств муллам на преподавание в степной зоне), разрешение на строительство мечети (однако только санкции ОМДС было недостаточно), рассмотрение жалоб на мусульманских духовных лиц, имущественные тяжбы, дела о соблюдении мусульманами норм шариата, официальное объявление государственных и правительственных постановлений, надзор за ведением метрических книг (с 1829 г.)¹⁸.

¹⁴ Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1993. С. 127.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XXII. No 16292; Там же. № 16534.

¹⁶ Там же. СПб., 1830. Т. XXII. № 16292.

¹⁷ Гибадуллина Э.М. Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв)». Казань, 2011. С. 117–123.

¹⁸ Шаблей П.С. Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX век). Челябинск, 2013. С. 47.

В обязанность татарских знатоков религиозного закона вменили вести метрические книги: фиксировать рождение, смерть, заключение брака и развод. Метрическая книга заполнялась в двух экземплярах: одна отправлялась в ОДМС, другая оставалась при мечети.

Также духовным мусульманским лицам поручалось проводить ревизии по уплате кибиточной подати, рассматривать судебные дела в рамках шариата, исполнять функции толмачей, собирать разведывательные сведения¹⁹, а кроме того, наблюдать, чтобы мусульмане не занимались противозаконными действиями.

Обычным делом в это время и стало обучение татарскими муллами детей грамоте. Этнограф А.К. Гейнс, путешествуя по казахской степи в середине XIX века, отмечает в своих дневниках: «...во многих аулах родоначальники нанимают учителей – мулл из татар... Такой учитель живет в юрте у родоначальника, учит детей всего аула и получает... от 40 до 60 рублей в год. Деньги уплачиваются целым аулом. Ташкентцев учителями не нанимают, потому что их язык не имеет столько сходств с кайсацким, сколько татарский»²⁰. Нередко сами ханы нанимали в качестве учителей для своих детей татарских мулл, которые исполняли также обязанности письмоводителей и переводчиков. Известно, что, например, у хана Абдулхаира и его сына Нуралы работал А. Нурмухамметов и У. Арсланов, у хана Айшуака – С. Касимов (выходец из Сеитовской слободы), у сыновей Айшуака ханов Ширгазы и Жантора – Н. Файзуллин (выходец из Сеитовской слободы) и И. Мустафин (из Казанской губернии), у старшего брата Айшуака хана Есима – мулла Г. Фаткулин, у хана Сергазы (1810–1822 гг.) – Г. Буляков и А. Сулейманов, у хана Аблая (1771–1780 гг.) – татарский мулла Я. Усманов и М. Мамметев, у султана Уруса в Среднем жузе – тобольский служилый татарин Т. Зарывкин²¹.

Для казахских ханов татарские толмачи осуществляли не только перевод русской дипломатической корреспонденции, но и вели переписку со Среднеазиатскими ханствами и Ираном²², выступали третейскими судьями между русским и казахским населением²³. Так, например, архивные документы свидетельствуют о том, что мулла И. Исбулатов (Ишбулатов), работавший у султана Шигая Нуралиханова, «разумом предполагал разрешение споров между русскими и казахами, доставляя обиженной стороне справедливость»²⁴.

Царская администрация старалась вводить татарских духовных лиц в органы управления. Так, муфтий М. Хусаинов, ахун М. Казиев входили в состав Ханского совета²⁵.

Некоторые татарские духовные лица (такие как Фатих Абдусалимов, А. Бекметев, ахун Ш. Абдрахимов (Габдрахимов), А. Мухаметов, муфтий М. Хусаинов и другие) выполняли дипломатические функции.

В частности, ахун Среднего Жуза казахов Ш. Абдрахимов улаживал конфликты между известными биями Шопа и Шорманом, вел переговоры о возврате откочевавших шестидесяти казахских семей в Кокчетавский приказ, вместе с А. Мухаметовым были командированы в Семиречье к уйсунским и найманским казахам для скло-

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

²⁰ Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов. СПб., 1897. С. 256.

²¹ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа, 2002. С. 228–231.

²² История Казахстана в документах и материалах. Караганда, 2013.

²³ Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 27.

²⁴ Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 2060. Л. 148.

²⁵ Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора... С. 28.

нения их к принятию российского подданства²⁶. Ахун Оренбургской экспедиции, а позже муфтий ОДМС М. Хусаинов предпринимал усилия, чтобы внушить казахам доверие к российским административным и судебным учреждениям, выступал связующим звеном, посредником между пограничным судом и казахами, сам доставлял в эту инстанцию свидетельские показания от кочевого населения²⁷.

Д. Амстронг в своей теоретической модели «мобилизованных диаспор» подчеркивал, что навыки коммуникации всегда очень сильно ценились доминирующими элитами²⁸.

Были случаи, когда казахские родоправители просили правление сибирских киргизов о направлении к ним муллы для обучения местного населения домоводству и земледелию²⁹. По мнению историка Г. Султангалиевой, переход казахского населения к земледелию был одним из средств, которое использовала империя для ассимиляции кочевников³⁰. Были случаи, когда татарское духовенство занималось торговлей и разведением скота³¹.

Точное количество татарских духовных лиц в казахской степи подчитать достаточно проблематично, поскольку татарские вероучители часто отправлялись туда без всяких санкций органов российской государственной администрации. Но их было немало. Известно, что в середине XIX в. лишь на территории Младшего жуза их насчитывалось приблизительно около тысячи³².

Религиозное и культурное влияние татарских улемов на казахов было значительное. В середине XIX в. путешественник А. Харузин в этнографическом очерке писал: «Татарин для киргиза авторитет, киргизы сбрасывают свой халат и одевают татарский, надев его, они идут вместе с татаринцом на вечернюю молитву в мечеть, и высшая мечта казаха не обрусеть, а отатариться»³³. Русский учитель Г. Хохлов, обучавший казахских детей в аулах Тургайской области, отмечает: «Кочевники начинают всячески стараться, чтобы во всем были похожи на татарина. Все они досиня выбриты и франтят в грязных тюбетейках... Старики больше уже не просрочивают, не забывают времени молитвы, аккуратно совершают омовение и намазы, хотя и видно, что дело им непривычное, новое: они делают постоянные ошибки не только в словах непонятных арабских и татарских молитв, но и в молитвенных рикягатах, т.е. поклонах, частенько смешиваются»³⁴.

Петропавловский уездный начальник докладывал в Акмолинское областное правление, что «если раньше киргизское население уезда руководствовалось обычаями, то теперь они руководствуются исключительно шариатом. Ранее киргизы к своей религии относились если равнодушно, то лишь настолько, насколько требовали этого обстоятельства (какое-либо горе их заставляло обращаться с молитвой к Богу), то теперь они повсюду как в аулах, так и в глуши, ходят молиться в те часы, в которые ходят татары, при этом замечается, что они, как и татары, собирают-

²⁶ Галиев В.З. Шариф Габдрахимов – ахун Среднего жуза казахов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. 2009. № 4. С. 165.

²⁷ Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.): дисс. Челябинск, 2013. С. 74.

²⁸ Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review*. 1976. № 2. P. 397.

²⁹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК) Ф. 374. Оп. 1. Д. 370. Л. 2–3.

³⁰ Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора... С. 29.

³¹ Шаблей П.С. Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX в.) // Мир ислама. 2010. № 2. С. 95.

³² Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 14005. Л. 45.

³³ Харузин А.К. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнографический очерк). М., 1889. С. 155.

³⁴ Хохлов Г. Тургайская область. СПб., 1906. С. 43.

ся целыми аулами и устраивают массовые моления. Ранее киргизы мало интересовались киргизской грамотой и учителя у них были исключительно киргизы, теперь же в каждом ауле имеется учитель из татар... что приводит настоящее религиозное движение среди киргиз...»³⁵.

Под влиянием татарских мулл менялись черты казахского быта и семейных ритуалов: при проведении никаха появилось чтение всеми присутствующими бату (короткой молитвы) и разделение юрты занавесом на две части: мужскую и женскую³⁶.

Деятельность татарских религиозных вероучителей представителями царской власти, а также ханской знатью в первое время оценивалась как успешное. Об это свидетельствует ряд государственных наградений М. Хусаинова, С. Усманова, Ш. Абдрахимова, А. Сулейманова, З. Хаметова и других³⁷. Примечательно, что в некоторых случаях инициировали поощрение сами казахские ханы³⁸.

Наставники и подстрекатели

Во второй половине XIX в., после Кавказской и Крымской войн, обострения «польского вопроса» на западных окраинах империи, превращения казахской степи во «внутреннюю окраину», отношение царских чиновников к работе татарских улемов меняется. Царская власть начинает рассматривать татарское духовенство как «пятую колонну», как препятствие, мешающее сближению русского и казахского народов.

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский докладывал министру внутренних дел П.А. Валуеву о том, что на вверенной ему территории «в 1853–1854 году под влиянием духовенства население ждало появления турецких войск для освобождения от христианского ига...»³⁹. Причину этого он усматривал в деятельности мусульманского духовенства, которое, по его мнению, было необходимо «поставить в более правильное отношение с правительством, подчинить его строгому контролю, способствовать освобождению самих мулл от невежества, установить надзор за преподаванием в народных училищах»⁴⁰.

Главная угроза для империи, по мнению историка А.В. Ремнева, стала видеться в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар⁴¹. «Предшествующая политика заигрывания с мусульманством и использования татар как культурных посредников была признана ошибочной», – констатирует исследователь⁴².

Согласно теории Д. Армстронга большое влияние на изменение отношения к деятельности татарских мулл могла оказать и модернизация в Российской империи, так как при этом процессе услуги, предоставляемые мобильными диаспорами, становятся все менее ценными⁴³.

Вступившее в силу в 1868 г. «Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторством» воспрещало татарам быть мул-

³⁵ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1 Д. 3696. Л. 33.

³⁶ Записки и письма капитана Н.М. Изразцова // История Казахстана в документах и материалах. Алматы, 2011. С. 211.

³⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17863.

³⁸ Султангалеева Г.С. «Татарская» диаспора... С. 27.

³⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 811.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ремнев А.В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 7.

⁴² Там же. С. 11.

⁴³ Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 405.

лами у местного кочевого населения, которое было выведено из подчинения ОДМС⁴⁴. Однако на нелегальной основе татарские муллы продолжали преподавать и вести религиозную деятельность в кочевьях и аулах. Огромное количество казахских детей получило образование у татарских наставников. Среди них были такие будущие классики казахской литературы, как А. Кунанбаев, М. Жумабаев, С. Муканов, представители духовенства Абылгази (’Абд ал-Азиз) мулла, Байдуйсен хазрат, Алдаберген хазрат, Науан хазрат и т.д.⁴⁵ В секретных посланиях царских чиновников конца XIX – начала XX в. указывалось, что «киргизы вслед за татарами теперь тоже хотят паломничать в Мекку»⁴⁶, «хотят иметь мечеть также в каждом ауле»⁴⁷. Сугубо религиозные требования казахов начинают постепенно трансформироваться в политические, они просят в петициях вновь подчинить их ОДМС, допустить к работе в Государственной Думе, бракоразводные дела изъять из ведения военных губернаторов и уездных начальников, прекратить христианизацию, признать земли, занятые казахами, их собственностью и т.д.⁴⁸

Заведующий розыскным пунктом в городе Верный жандармский ротмистр Астраханцев усматривает в этом политическом пробуждении отчетливое «татарское влияние»: «Приезжие учителя из татар открывают летучие школы в Степи для казахского населения. Они распространяют среди них вредного направления брошюры, отпечатанные на казахском языке в типографиях Уфы и Казани: «Уян, казах!» («Проснись, казах!» – З.М.), «Тур, казах!» («Вставай, казах!» – З.М.) и сборник басен «Маса» («Комар» – З.М.). В них указывается на тяжелое бесправное положение казахов, живших будто бы гораздо лучше при казахских ханах»⁴⁹. Акмолинский уездный начальник называет конкретные имена татар, «сеющих смуту» среди местного казахского населения: М. Бегишев и Р. Аюпов – муллы Петропавловска и Акмолинска⁵⁰.

В это же время в Нижнем Новгороде, а затем и в Петербурге начинают проходить съезды мусульман, на которых представители разных мусульманских народов (в том числе казахов и татар) договорились совместно отстаивать свои политические, общественно-культурные нужды, что положило начало образования самостоятельной политической силы со своей организацией. Съезд объявил о создании партии «Иттифак аль-муслимин», имеющей целью объединение всех мусульман России независимо от их классовых и национальных различий. Одним из основоположников идей панисламизма стал имам А. Ибрагимов, в юношеские годы проповедавший в степной зоне. Благодаря ему в Петербурге начала издаваться газета на казахском языке «Серке», где печатались статьи лидеров казахского национально-освободительного движения⁵¹.

На Первом Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся 1–11 мая 1917 г. в Москве, были сформированы и общие политические структуры управления мусульман: Вақытлы Милли Идарэ (Временное национальное Правительство) и Милли Шуру (Национальные Советы) губерний. По решению съезда религиозные

⁴⁴ Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб, 1883. С. 32.

⁴⁵ *Ghilmani S. Biographies of the Islamic Scholars of Our Time. Almaty, 2013.*

⁴⁶ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3475. Л. 28 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938.

⁴⁸ Там же. Ф. 537. Оп. 1 Д. 2. Л. 14.

⁴⁹ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 773. Л. 77–78.

⁵⁰ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5667. Л 2–4.

⁵¹ *Галиев В.З. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакипе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»).* Алматы, 2011. С. 288.

отделы казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской областей перешли в ведомство мусульманского духовенства Оренбурга⁵².

Приход к власти большевиков положил конец надеждам мусульман на национально-культурную автономию и заложил основу нового антирелигиозного курса государства, который отразился в том числе и на сфере деятельности всех татарских мулл новообразованной Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики.

Бродячие муллы

После принятия декретов «О расторжении брака» (от 16 декабря 1917 г.) и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (от 18 декабря 1917 г.) муллы были лишены возможности вести метрические книги, но еще некоторое время могли заниматься педагогической деятельностью. Например, муллой при мечети № 2 Хайруллой Валитовичем Бикбаевым (Бекбаевым), в Петропавловске были организованы курсы, которые предполагали обучение юношей, достигших 18 лет, мусульманскому праву, толкованию Корана, арабскому языку. Однако уже в 1925 г. курсы были закрыты, а их организатор привлечен к уголовной ответственности⁵³.

В 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» ограничило деятельность религиозных служителей молитвенным домом и территорией, на которой постоянно проживали верующие религиозного объединения, им было запрещено вести обучение⁵⁴. В это время были закрыты все мусульманские религиозные начальные и средние учебные заведения в Республике⁵⁵. С этого времени началась активная секуляризация мечетей в Казахской Советской Социалистической Республике.

Влияние татарских улемов на мусульманскую умму в Республике еще до середины 1930-х гг. было достаточно сильным. Например, в постановлении бюро Казкрайкома «ВКП(б)» о мерах борьбы с мусульманским религиозным движением от 8 июня 1927 г. констатируется: «Мусульманское религиозное движение среди казахского населения развивается под сильным влиянием татарского и узбекского духовенства...»⁵⁶, а также подчеркивается, что «среди татар ислам является в большей мере орудием национализма и пантюркизма»⁵⁷.

В отчетном докладе ответственного инструктора ЦС Союза воинствующих безбожников о поездке в Туркмению, Казахстан и Узбекистан отмечается: «Влияние религии ислама в Казахстане можно разделить на три части. Одна часть Казахстана (Чимкент, Туркестан и другие, которая близка к Узбекистану) находится под влиянием узбекских ишанов, муридов, другая часть (Алма-Ата – Семипалатинск, Петропавловск) находится непосредственно под влиянием татарских мулл-реформаторов. Центром татарского духовенства является Семипалатинск. Руководителем этого движения является в Семипалатинске реформатор-мулла Хоззатол-Хаким, у которого в Китае тоже есть друзья...»⁵⁸.

Во второй половине 1930-х гг. начинаются массовые репрессии против духовенства. В «кровавые жернова» попали такие религиозные деятели, как Х. Абдра-

⁵² Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы, 2004. С. 521.

⁵³ Северо-Казахстанский государственный архив (далее – СКГА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 143.

⁵⁴ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. 1929–1939. М., 1959, С. 29–45.

⁵⁵ Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 63.

⁵⁶ ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 4. Д. 3. Л. 281.

⁵⁷ Там же. Л. 279.

⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 179.

шитов (имам мечети № 4, Петропавловск), М. Абдулзалилов (акмолинский губернский мухтасиб), М. Акаев (имам мечети, с. Джилтавское), М. Аюпов (имам мечети № 3, Семипалатинск), М.Н. Бегишев (имам мечети № 3, Петропавловск), А.Г. Бегишев (имам мечети № 6, Петропавловск), З.Ф. Габдулжалилов (Абдулжалимов) (имам мечети, Павлодар), А. Исмагилов (имам мечети № 1, Акмолинск), И.И. Исмагилов (уполномоченный верующих мусульман, Петропавловск), Т. Мирвалиев (имам мечети № 2, Акмолинск), К. Рафиков (имам мечети, Ауле-Ата), Г. Тулебаев (имам мечети № 3, Уральск), Х. Халитов (имам мечети, с. Становое) и многие другие. Как правило, они привлекались по политическим статьям. Духовенство обвинялось в создании контрреволюционной группы, в связях с известными представителями татарской интеллигенции за рубежом. В этот период религиозные обряды начинают выполнять так называемые «бродячие муллы», получившие такое название, поскольку советская власть отказывала им в официальной регистрации⁵⁹.

Во время Великой Отечественной войны наблюдается некоторое ослабление антирелигиозной политики. В 1943 г. в Ташкенте был проведен съезд духовенства Средней Азии и Казахстана и было образовано Управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Был избран Пленум и Президиум духовного управления во главе с муфтием. После создания Духовного управления Средней Азии и Казахстана (САДУМ) в Казахстане, как и в других республиках, был создан свой казият, а первым казием Казахстана с 1843 по 1952 г. стал мухтасиб города Семипалатинска, член Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана А. Шамсутдинов (1884–1953). Именно на него легла обязанность организовать работу всех мусульманских общин Казахстана. Отчеты Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по КазССР свидетельствуют, что он вел активную работу с «бродячими муллами» в республике, координируя их деятельность, пытался сохранить и отремонтировать недействующие мечети и сохранить мусульманские кладбища силами и средствами верующих мусульман⁶⁰. По мнению члена Совета по делам религиозных культов при совете Министров СССР Л.А. Приходько, татарский улем единолично руководил религиозным движением мусульман в Казахстане⁶¹. Всего в 1950 г. в Казахстане действовало 20 мусульманских общин и около 450 бродячих мулл, было зарегистрировано лишь 20 служителей мусульманского культа, два из которых были татарами⁶².

Из представителей татарской национальности помимо А. Шамсутдинова крупной фигурой в исламской умме был председатель ревизионной комиссии Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Ш. Хиялетдинов, который до 1930-х гг. служил имамом в атбасарской мечети. В качестве председателя ревизионной комиссии он не только проверял работу мутавалиатов и вел религиозную деятельность, но и назначал мулл в колхозы районов⁶³, содействовал оформлению религиозных общин и открытию мечетей, решал внутренние конфликты в духовном управлении, выступал посредником между верующими и советскими органами⁶⁴.

В послевоенное время Ш. Хиялетдинов работал муллой в чимкентской мечети, а потом возглавил петропавловскую домовую мечеть и пользовался, как свидетельствуют доклады уполномоченного Совета по делам религиозных культов, боль-

⁵⁹ Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 63.

⁶⁰ ГАРФ. Ф.Р. 6991. Оп. 3. Д. 9. Л. 107.

⁶¹ Там же. Д. 350. Л. 265.

⁶² Там же. Л. 214.

⁶³ Там же. Д. 12. Л. 75.

⁶⁴ Там же. Д. 963. Л. 205.

шим авторитетом как у казахской, так и у татарской общины⁶⁵. В 1951 г. он был избран на почетную должность председателя Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири и покинул Казахстан.

С середины XX в. татарские улемы перестали играть какую-либо заметную роль в казахском казияте и лишь в редких случаях занимали должности имамов мечетей.

Выводы

Татарских мулл, согласно концепции Д. Армстронга, вполне можно рассматривать как элиту мобилизованной диаспоры, которую Империя стала использовать для выполнения специфических функций. Деятельность их носила разносторонний характер: выполнение религиозных обрядов и дипломатических поручений, ведение метрик, гражданского судопроизводства, обучение местного населения грамоте, а также земледелию, сбор разведывательных данных.

Во второй половине XVIII – начале XX в. работа татарских мулл рассматривалась достаточно положительно как со стороны имперской администрации, так и казахских ханов. Высокий авторитет муллы среди казахского населения содействовал этнокультурному подражанию и заимствованию религиозных практик и этнокультурных особенностей.

Изменение внутренней политики Российской империи в середине XIX в. привело к законодательному ограничению работы татарских мулл среди казахского населения. Однако многие казахи продолжали проходить обучение у татарских наставников.

В первые десятилетия советской власти духовенство было лишено возможности заниматься религиозной и педагогической деятельностью, многие видные представители татарского духовенства степной зоны были репрессированы.

После определенного ослабления антирелигиозной политики в 1940-е гг. такие татарские улемы, как Ш. Хиялетдинов и А. Шамсутдинов, заняли ведущие позиции в казияте Республики. Тем не менее большинство представителей татарского духовенства продолжало находиться в статусе «бродячих мулл», совершающих обряды внутри мусульманской уммы.

Таким образом, татарские муллы, проживая более двух веков в границах современного Казахстана, оказывали весьма заметное влияние на религиозную, политическую и этнокультурную жизнь региона: в дореволюционное время они внесли неоценимый вклад в формирование местной казахской интеллигенции и духовенства, в советскую эпоху содействовали организации работы казахского казията и сохранению мусульманских практик и обычаев.

Поступила в редакцию / Received: 17.05.2020.

Библиографический список

- Галиев В.З. Шариф Габдрахимов – ахун Среднего жуза казахов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. 2009. № 4. С. 165–168.
- Галиев В.З. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакипе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). Алматы: Мектеп, 2011. 525 с.
- Гибадуллина Э.М. Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв)». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 117–123.
- Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.

⁶⁵ ГАРФ. Ф.Р. 6991. Оп. 3. Д. 399. Л. 113.

- Канпелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–136.
- Каримов Т.А. Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 144–162.
- Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 678 с.
- Лысенко Ю.А. Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2017. № 3. С. 128–138.
- Ремнев А.В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.
- Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 60–77.
- Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ, 2002. 262 с.
- Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 20–36.
- Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1993. С. 124–128.
- Шаблей П.С. Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX в.) // Мир ислама. 2010. № 2. С. 91–107.
- Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.). Челябинск: ЧелГУ, 2013. 330 с.
- Шаблей П.С. Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX век). Челябинск: ЧелГУ, 2013. 75 с.
- Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review*. 1976. № 2. P. 393–408.
- Ghilmani S. *Biographies of the Islamic Scholars of Our Time*. Almaty: Öner, 2013. 565 p.

References

- Armstrong, J. “Mobilized and Proletarian Diasporas.” *The American Political Science Review*, no. 2 (1976): 393–408.
- Galiyev, V.Z. “Sharif Gabdrakhimov – Akhun of the Middle Zhuz of Kazakhs.” *Forums of Russian Muslims*, no. 4 (2009): 165–168 (in Russian).
- Galiyev, V.Z. *Kniga, razbudivshaya narod (Razyskaniya o Myrzhakipe Dulatove i yego sbornike «Prosnis', kazakh»!)*. Almaty: Mektep Publ., 2011 (in Russian).
- Ghilmani, S. *Biographies of the Islamic Scholars of Our Time*. Almaty: Öner, 2013.
- Gibadullina, E.M. “Vektory etnokonfessional'nykh svyazey tatar Povolzh'ya i kazakhov Zapadnogo Kazakhstana vo vtoroy polovine XVIII – XIX veke.” In *Istoricheskiye sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Istoricheskiy opyt etnokonfessional'nogo vzaimodeystviya v Srednem Povolzh'ye i Priural'ye (XVI – nachalo XX vv.)*, 117–123. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2011 (in Russian).
- Dyakin, V.S. *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)*. St. Petersburg: LISS Publ., 1998 (in Russian).
- Kappeler, A. “Two Traditions in the Attitude of Russia toward the Peoples of the Russian Empire.” *Russian History*, no. 2 (2003): 129–136 (in Russian).
- Karimov, T.A. “Politika Rossiyskogo pravitel'stva i tatarskiye mully v severo-zapadnykh kazakhskikh zemlyakh (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.)” In *Istochniki sushchestvovaniya musul'manskikh institutov v Rossiyskoy imperii*, 144–162. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2009 (in Russian).
- Kemper, M. *Sufii i uchenyye v Tatarstane i Bashkortostane: Islamskiy diskurs pod russkim gosподством*. Kazan': Rossiyskiy islamskiy universitet Publ., 2008 (in Russian).

- Lysenko, Yu.A. “The position of officials of the Orenburg Department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions (40–80-ies of XIX century).” *Nations and Religions of the Eurasia*, no. 3 (2017): 128–138 (in Russian).
- Frank, A. “Tatarskiye mully sredi kazakhov i kirgizov XVIII–XIX vekakh.” In *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda*, 124–128. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova AN RT, 1993 (in Russian).
- Remnev, A.V. “Tatars in the Kazakh Steppe: Companions and Rivals of the Russian Empire.” *Eurasia Bulletin*, no. 4 (2006): 5–31 (in Russian).
- Saktaganova, Z.G. “Soviet model of the state religious policy in Kazakhstan and the religious daily life of the Kazakstanis in the second half of the XX century.” *Everyday History*, no. 3 (2017): 60–77 (in Russian).
- Shabley, P.S. “The social appearance of Muslim employees in the Kazakh steppe (late XVIII – mid-XX century).” *Pax Islamic*, no. 2 (2010): 91–107 (in Russian).
- Shabley, P.S. *Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v obshchestvenno-politicheskoy i religioznoy zhizni naseleniya kazakhskikh stepnykh oblastey: (1788–1868 gg.)*. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2013 (in Russian).
- Shabley, P.S. *Ocherk po istorii musul'manskikh obshchin Semipalatinska (konets XVIII – XIX vek)*. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2013 (in Russian).
- Sultangaliyeva, G.S. *Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.)*. Ufa: RIO RUNMTS Publ., 2002 (in Russian).
- Sultangaliyeva G.S. “Tatar” diaspora in confessional ties of the Kazakh steppe (XVIII–XX centuries).” *Eurasia Bulletin*, no. 4 (2000): 20–36 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Махмутов Zufar Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем.

Zufar A. Makhmutov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in history], Senior Researcher, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems.